

Л.А. Волкенштейн

**13 лет в Шлиссельбургской
крепости**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В67

В67 **Волкенштейн Л.А.**
13 лет в Шлиссельбургской крепости / Л.А. Волкенштейн – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 74 с.

ISBN 978-5-458-07052-2

Записки Людмилы Александровны Волкенштейн. С предисловием В. И.
Засулич.

ISBN 978-5-458-07052-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(Изъ статьи „Борьба въ тюрьмѣ“, помѣщенной въ № 1 „Зари“
1900 г.).

16 лѣтъ тому назадъ въ Шлиссельбургскую крѣпость на островѣ были свезены отборные люди изъ числа арестованныхъ дѣятелей затихавшаго въ то время революціоннаго движенія. Ихъ свезли туда и на долгіе годы они исчезли для всѣхъ, какъ въ могилѣ. Въ теченіе 80-хъ годовъ Шлиссельбургъ поглощалъ время отъ времени новыя жертвы, но оттуда не выходилъ никто. Родные заключенныхъ, добивавшіеся свѣдѣній о нихъ въ департаментѣ полиціи, лишь въ лучшемъ случаѣ получали краткій отвѣтъ: „живъ“, „умеръ“, и ничего больше. Другіе и этого не могли добиться. Свѣдѣнія о Шлиссельбургской тюрьмѣ начали появляться въ подпольной печати съ половины 90-хъ годовъ, но живой рассказъ о томъ, что дѣлалось въ таинственной крѣпости въ восьмидесятихъ годахъ, когда, оградившись отъ всѣхъ свидѣтелей, правительство такъ долго оставалось наединѣ съ своими плѣнниками, мы впервые имѣемъ лишь въ запискахъ Волкенштейнъ. Въ августѣ 1884 г. въ Шлис-

сельбургъ было привезено 35 человекъ ¹⁾, а къ началу 1887 г. 13-ти изъ нихъ уже не было въ живыхъ, а 3 сошли съ ума, въ 1888 г. умерло еще три. Такъ что за 4 года болѣе половины заключенныхъ уже погибло. Все это были еще люди молодые. Между тѣмъ, только что отстроенная Шлиссельбургская тюрьма была, повидимому, предназначена вовсе не для такого быстраго физическаго истребленія заключенныхъ. Маленькія камеры были сухи и свѣтлы, хотя и съ матовыми стеклами. Грубая пища была, правда, тяжела для больныхъ, но не въ ней было дѣло. Заключенные гибли вслѣдствіе длившихся цѣлые годы попытокъ поставить ихъ въ совершенно невозможныя психическія условія. Безъ книгъ, безъ всякихъ занятій, безъ малѣйшей надежды въ будущемъ;—такъ какъ всѣ они были увѣрены, что никогда не выйдутъ изъ крѣпости,—ихъ разсадили по пустымъ камерамъ, въ которыхъ, согласно правиламъ, они должны были годъ за годомъ тихо сидѣть на прикрѣпленныхъ къ полу скамейкахъ, наблюдая за своей собственной умственной и нравственной смертью, неизбежной въ такихъ условіяхъ, если-бы они согласились подчиниться имъ.

При этомъ каждый изъ заключенныхъ зналъ, что рядомъ точь-въ-точь въ такихъ же условіяхъ сидятъ его товарищи, разговоры съ которыми, хотя бы только посредствомъ стука, отнять у одиночнаго заключенія большую часть его ужаса. Эти разговоры были строго запрещены тюремной „ин-

1) Позднѣе въ разное время еще 13.

струкціей“, по матеріально вполнѣ доступны—стоило только протянуть руку. Слушаться такого рода за-
 прещеній, которыми переполнена русская жизнь и
 не въ одномъ Шлиссельбургѣ, слишкомъ свойственно
 среднему русскому обывателю, но предположить,
 что его послушаются эти безстрашные люди, было
 невысказано. По всему вѣроятію, начальство и не
 предполагало ничего подобнаго, а рассчитывало сло-
 мить ихъ энергію жестокими расправами. Въ пер-
 вое время заключенные стучали тихо, были остро-
 рожны, но все-таки попадались и начиналось воз-
 мездіе...

Четыре года длилась борьба съ „инструкціей“, превращаясь почти буквально въ борьбу за родъ смерти.

Правительство стремилось къ психической смерти заключенныхъ, а они предпочитали умирать физически... и побѣдили.

Кровью писаны записки Волкеншейнъ. Страш-
 ныя картины оставляетъ въ воображеніи эта борь-
 ба, въ которой главнымъ оружіемъ борцовъ была
 смерть,—не смерть врага, а своя собственная. И
 все-таки, несмотря ни на что, на днѣ души остается
 отъ этой исторіи что-то свѣтлое и бодрое, кака-
 то надежда. Въ самомъ дѣлѣ, стоя на сторонѣ за-
 ключенныхъ, можно ли пожелать, чтобы борьба не
 имѣла мѣста? чтобы „инструкція“ оказалась вы-
 полненной? чтобы, испугавшись физической силы,
 заключенные покорно отказались бы отъ мате-
 ріально возможныхъ, но запрещенныхъ сношеній
 другъ съ другомъ и смиренно сидѣли въ своихъ клѣ-
 точкахъ, покорно дожидаясь милости враговъ?

Можно ли пожелать, чтобы чувство солидарности не подавляло въ нихъ всякую тѣнь стремленія не только къ отдѣльной отъ другихъ пользѣ, но даже къ личному самосохраненію?

Нѣтъ, конечно. Всякій, кому дорога память умершихъ въ Шлиссельбургѣ, не можетъ не почувствовать, что лучше было имъ погибнуть несломленными, не униженными, любимыми и любящими членами геройской фаланги,—не можетъ не почувствовать, что, оставаясь вѣрными себѣ, не могли они поступать иначе. А разъ это такъ, разъ только они чувствовали, что гибель для нихъ лучше подчиненія, разъ потребность въ томъ, что запрещалось „инструкціей“, оказалась въ нихъ сильнѣе страха,—ихъ побѣда была обезпечена. При данныхъ условіяхъ правительство не могло ввести избранную имъ систему заключенія, если бы даже пустило въ дѣло всѣхъ Иродовъ и всю жандармерию—не могло потому, что для введенія этой системы согласные подчиняться ей *живые* заключенные были безусловно необходимы, а таковыхъ въ Шлиссельбургѣ не оказывалось. Безмѣрной, по отношенію къ нимъ, матеріальной силѣ правительства они тоже противопоставили безмѣрную силу своей готовности бороться до конца, своей солидарности, своей неспособности подчиняться „инструкціи“.

Странная фантазія невольно возникаетъ въ воображеніи побывавшихъ въ Шлиссельбургѣ восьмидесятихъ годовъ. Кажется, что это не только огражденная отъ всякой гласности государственная тюрьма, въ которой пытаются ввести звѣрскую

инструкцію — это маленькая модель (или, пожалуй, схема) цѣлой Россіи. На полулистѣ писчей бумаги уписывается „инструкція“ Шлиссельбурга. Много печатныхъ листовъ занимаютъ указы и приказы, по которымъ управляется Россія, но и тамъ и тутъ въ основѣ лежитъ одинъ и тотъ же принципъ. Шлиссельбургскія правила являются лишь краткимъ резюмэ всероссійской „инструкціи“ — ея квинтъ-эссенціей. Вся Россія разсажена по клѣточкамъ, ей всей запрещено перестукиваться, а по ея коридорамъ день и ночь шмыгаютъ Ироды, присматриваясь, прислушиваясь, не раздастся ли гдѣ неказенная, способная вызвать отекликъ нотка, которая немедленно приглушается, — не возникаетъ ли гдѣ-нибудь чего-нибудь объединяющаго, одушевляющаго, и хотя бы это было безусловно необходимое, нравственно обязательное дѣло: обученіе безграмотныхъ, кормленіе голодныхъ и проч.; если только люди начинаютъ вкладывать въ него свою изнывшую отъ бездѣйствія и одиночества душу, дѣло немедленно закрываютъ, причемъ никогда не забывается „до изнеможенія ударять въ мѣдные тазы“ оффиціозной прессы, прославляющей благодѣтельную тишину и позорящей людей, сующихся „не въ свое дѣло“.

„Не смѣй говорить о другихъ! Не твое дѣло — нѣтъ здѣсь другихъ!“ Въ этомъ крикѣ Ирода выражена вся суть самодержавія. Онъ безпрерывно раздастся надъ всей Россіей, звучитъ во всѣхъ указахъ и приказахъ, приспособляющихъ ее къ существующему образу правленія. Самый принципъ этого правленія требуетъ, чтобы всякое дѣло, отъ кото-

раго зависить судьба другихъ, дѣлалось безъ всякаго отношенія къ этимъ другимъ, — дѣлалось не для нихъ, а для себя: для карьеры, для оклада, для положенія или заработка, при полнѣйшемъ равнодушїи къ тому, какъ отзовется это руководѣліе на подлежащемъ воздѣйствию матеріалѣ. Думать и рѣшать можетъ лишь высшее начальство. А если и встрѣчаются кажущіяся исключенія изъ общаго правила: „нѣтъ тебѣ дѣла до другихъ“, если и допускаются нѣкоторыя учрежденія, имѣющія нѣкоторое подобіе общественности, то они существуютъ лишь „смотря по поведенію“. Они существуютъ, пока участвующіе въ нихъ люди присоединяють свой голосъ къ хору „мѣдныхъ тазовъ“ или — нравственно умершіе — вяло бормочуть никому не интересные пустяки. Но какъ только „поведеніе“ измѣняется, какъ только въ подобное учрежденіе проникають живые люди въ поискахъ за утоленіемъ своего нравственнаго голода и начинаютъ говорить о „другихъ“, — учрежденіе немедленно подвергается „реформѣ“, т. е. сокращенію, очищенію и приспособленію его къ общей системѣ.

* * *

Уже давно въ громадной всероссійской тюрьмѣ слышится движеніе. Но до послѣдняго времени самодержавную тишину нарушала по преимуществу молодежь интеллигентнаго „отдѣленія“, рѣзко ограниченнаго отъ необозримаго пространства, гдѣ молчаливо дремалъ еще въ средневѣковомъ снѣ россійскій народъ, приводя въ отчаяніе пытавшихся

сговориться съ нимъ борцовъ. Последнее движеніе интеллигентной молодежи дошло до высочайшей степени напряженія, но покинутая своими старшими родичами и не добудившись народа, она послѣ отчаяннаго сопротивленія была, наконецъ, сломлена. Восемьдесятые годы были торжествомъ идеальнаго самодержавія: все притихло въ громадной тюръмѣ. Миновало, однако, проклятое десятилѣтіе, наступило другое, и снова послышалось движеніе, но на этотъ разъ не одно только, уже привычное, движеніе интеллигентной молодежи. На ея призывъ теперь гулко отвѣтила тысячами голосовъ часть народной массы, неотдѣлимая отъ нея рѣзкой гранью, въ нее переходящая и изъ нея пополняющаяся.

Какая судьба ждетъ это новое движеніе? Задушено, выловлено, подобно предыдущему, совершавшемуся въ слишкомъ ограниченной сферѣ, оно быть не можетъ. Но какъ долго продлится борьба, сколько причинитъ она страданій, будетъ зависѣть отъ степени солидарности всѣхъ враговъ самодержавія.

На этотъ разъ среди „отцовъ“, среди интеллигентнаго поколѣнія, выставившаго шлиссельбуржцевъ, много людей, которымъ знакома вся тоска, сопровождающая пониженіе жизни до уровня, требуемаго самодержавіемъ, и—хотя бы по сочувствію—вся вражда революціонной эпохи, тотъ „духъ злобы и печали,“ о которомъ говоритъ поэтъ. Солидарность, если не любви, то злобы требуетъ, чтобы, такъ или иначе, они поддержали начавшееся движеніе. Чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе были

бы нарушенія предписаннаго безмолвія и бездѣйствія, тѣмъ скорѣе преслѣдованія потеряли бы и всю свою остроту, и всякій смыслъ, а непрерывно и всесторонне нарушаемая инструкція превратилась бы въ невыполнимую, негодную бумажонку, которая отправилась бы въ архивъ вмѣстѣ со всей системой.

В. Засуличъ.

13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости¹⁾).

ЗАПИСКИ

Людмилы Александровны Волкенштейнъ.

Эти наброски о тринадцатилѣтней жизни въ Шлиссельбургской крѣпости сдѣланы въ самыхъ общихъ чертахъ, только чтобы дать читателю понятіе о главныхъ событіяхъ за этотъ промежутокъ времени. Описать подробно жизнь за такой длинный періодъ,— жизнь, въ которой пережито такъ много внутренно и такъ мало по внѣшности,—очень трудно. Это можно

1) Записки эти набросаны Людмилой Александровной во время пребыванія ея въ одесской пересыльной тюрьмѣ лѣтомъ 1897 года. Л. А. была арестована въ 1883 г., судилась по „процессу 14-ти“ и была приговорена къ смертной казни, замѣненной 15-лѣтней каторгой. Въ октябрѣ 1884 г. она была перевезена изъ Петропавловской крѣпости въ Шлиссельбургъ, гдѣ и пробыла до конца 1896 г. По отбытіи срока каторги Л. А. предстояла ссылка на о. Сахалинъ. Въ ожиданіи парохода, отбывавшаго лишь осенью 1897 г., ей пришлось перенести еще почти полный годъ одиночнаго заключенія. За этотъ годъ былъ задуманъ и написанъ предлагаемый очеркъ. На о. Сахалинѣ Л. А. пробыла до конца 1902 г., когда она получила возможность переѣхать, въ качествѣ „крестьянки изъ ссыльныхъ“, во Владивостокъ. Сохранивъ, наперекоръ всѣмъ мученіямъ, полную рѣшимость и энергію, Л. А. неизмѣнно продолжала въ ссылкѣ служить дѣлу народнаго освобожденія и приняла горячее участіе въ послѣднемъ революціонномъ возстаніи во Владивостокѣ. 10 января 1906 г., во время разстрѣла мирной толпы изъ пулеметовъ, она была смертельно поражена пулей и почти тотчасъ же скончалась. Такъ прервалась эта славная 47-лѣтняя жизнь.

Сер. В.—штейнъ.

было бы сдѣлать лишь при очень подходящемъ настроеніи. Описаніе же подробностей безъ ихъ внутренняго смысла, вѣроятно, вышло бы односторонне и блѣдно, тѣмъ болѣе, что многихъ сторонъ жизни въ тюрьмѣ я не считаю удобнымъ касаться, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ причинамъ.

Вышло, кажется, безъ преувеличенія, такъ какъ, хотя мною и взяты болѣе яркіе факты, но зато мелкіе факты, ежедневно давившіе, были въ концѣ концовъ не менѣе, если не болѣе, ужасны, потому что они преслѣдовали заключенныхъ ежедневно, ежеминутно, и избавиться отъ нихъ не было никакой надежды,— между тѣмъ они-то и опущены. Кое-что, вѣроятно, перепутано въ хронологическомъ порядкѣ, но забыто все же немного. Фактическая же сторона вездѣ достоверна, исключая мѣстъ, гдѣ сдѣланы оговорки. Во всякомъ случаѣ, эти наброски могутъ дать кое-какое понятіе о Шлиссельбургской тюрьмѣ и могутъ послужить матеріаломъ для будущаго ея историка.

Разскажу сначала о старой и новой тюрьмахъ, гдѣ жили и умирали заключенные.

Новая тюрьма въ Шлиссельбургѣ открыта въ августѣ 1884 г. До постройки новаго зданія тамъ была небольшая одноэтажная тюрьма на 10 человѣкъ, существующая и теперь. Это не историческая тюрьма; она построена лѣтъ тридцать тому назадъ на мѣстѣ старой, отъ которой оставили только одну камеру въ башнѣ, примыкающей къ нынѣшней тюрьмѣ.

Кто сидѣлъ въ старой тюрьмѣ до нашего приѣзда, не знаю. Въ наше же время, въ теченіе первыхъ семи лѣтъ, она служила карцеромъ и вообще мѣстомъ, куда удаляли наиболѣе безпокойныхъ или больныхъ за-